

Key words: fighting, the dialectical, mixed technique.

Получено 14.02.2012 г.

УДК 273.1

А.В. Слобожанин, канд. филос. наук., ст. преп., 8(953)955-65-07,
Tiaen@rambler.ru (Россия, Тула, ТГПУ им. Л.Н.Толстого)

ИССЛЕДОВАНИЕ ГНОСТИЦИЗМА В РАБОТАХ В.С. СОЛОВЬЕВА И В.В. БОЛОТОВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Проводится сравнительный анализ взглядов на исторический гностицизм русских религиозных философов В.С. Соловьева и В.В. Болотова. Показывается, что при наличии множества точек соприкосновения каждая концепция каждого автора оригинальна. Отличия выражаются в различной трактовке роли христианства в становлении гностицизма и центрального принципа гнозиса.

Ключевые слова: гностицизм, русская религиозная философия, синкретизм, христианские ереси, пессимизм.

В русской философии интерес к гностическим идеям проявился в середине XIX века, начиная с работы А.С. Хомякова, посвященной исследованию иранской и кушитской типов культур. Сама характеристика гностицизма в «Записках о всемирной истории» не занимает и двух страниц, однако ценным оказывается именно философско-религиоведческий подход, проясняющий сущностные аспекты этого синкретического явления, а не простая констатация еретичности гнозиса.

В дальнейшем к исследованию исторического гностицизма обращался целый ряд русских мыслителей. От холодной научной работы М.Э. Поснова «Гностицизм второго века и победа христианской Церкви над ним» до эмоционально-критической оценки гностицизма в работе Н.А. Бердяева «Философия свободного духа»; от полного неприятия гностицизма Е. Трубецким до причисления себя к гностикам Л.П. Карсавиным. Для русской религиозной философии как явления ведущим становится «срединный путь», рассматривающий гностицизм исходя из специфики воспринятых тем или иным философом ценностей христианства.

В нашей статье специальному рассмотрению будут подвергнуты точки зрения В.С. Соловьева (рядом исследователей его философия сама характеризуется как гностическая) и В.В. Болотова, выраженные в работах «Гностицизм» и «История Древней Церкви» соответственно. Оба исследователя не взирая на различие мировоззрений, в конечном счете, дают негативную оценку гностицизму. Относительно В.В. Золотова какие-либо пространные комментарии излишни (Его ортодоксальность не вызывает сомнения, он - знаменитый церковный историк, профессор СПб. духовной академии), а по поводу В.С. Соловьева достаточно того факта, что в произведении «Смысл любви», где он использует заимствованный у

Валентина термин «сизигия» осторожно, определяя его изначальный смысл как еретический: «Я принужден ввести это новое выражение, не находя в существующей терминологии другого, лучшего. Замечу, что гностики употребляли слово «сизигия» в другом смысле и что вообще употребление еретиками известного термина еще не делает его еретическим» [3].

В рассматриваемых нами произведениях исследователи в целом сохраняют объективную оценку гнозиса, не давая чрезмерных эмоционально-оценочных суждений. Ввиду того, что объем рассматриваемых отрывков не велик, мы будем осуществлять последовательное сравнение их точек зрения на определение, генезис, значение, классификацию гностических систем и сущностную характеристику гнозису, данную этими философами.

В.С. Соловьев определяет гностицизм достаточно четко, как «совокупность религиозно-философских (теософских) систем, которые появились в течение двух первых веков нашей эры и в которых основные факты и учение христианства, оторванные от их исторической почвы, разработаны в смысле языческой (как восточной, так и эллинской) мудрости» [2]. По его мнению, отличительной чертой гностиков является одновременное принятие как христианских, так и языческих положений. В.В. Болотов в целом поддерживает точку зрения синкретического характера гностицизма, но в качестве его важнейшей черты выделяет именно «вступление язычников-синкретистов в христианство... с намерением перестроить по-своему и захватить в свои руки христианский лагерь» [1]. Нам импонирует его образное представление о гнозисе как «языческой мистерии на христианской почве».

Таким образом, здесь подчеркивается аспект переработки христианского материала с позиции язычества, в то время, как В.С. Соловьев говорит об обратном. Впрочем, В.В. Болотов в дальнейшем будет утверждать «компромиссный характер» [1] гностицизма, что сглаживает различие между философами.

Относительно хронологии исторического гнозиса исследователи придерживаются общеисторической точки зрения, помещая его между I и IV веками нашей эры.

Согласно мнению В.С. Соловьева, исторической причиной возникновения гностицизма послужила деятельность Александра Македонского, а в дальнейшем римских императоров по смешению различных культур. Непосредственный же источник гностических идей стоит искать, по его мнению, среди «различных языческих религий, с одной стороны, и учениях греческих философов — с другой» [2].

В.В. Болотов придерживается несколько иного мнения - именно возникновение христианства спровоцировало появление синкретических, в том числе гностических движений. А до этого «греки и римляне представляли два культурных народа, которые, несмотря на взаимный

политический антагонизм, не отказывали друг другу в культурном признании и смотрели на другие народы, как на варваров» [1]. Появление гностицизма оказывается возможным лишь тогда, когда христианская религия, показавшая религиозную безжизненность римской (народной) религиозности, дала «возможность распространения на почве греческой и итальянской культов чисто восточных, которые обаятельно действовали на умы, заинтересовывая свою предполагаемую целостностью...». В этом нам видится более христианоцентричное понимание античной истории, в противовес совершенно светскому в данном аспекте мнению В.С. Соловьева.

Приступим к рассмотрению того, какие конкретные религиозные традиции составили синкретический феномен гностицизма.

В.С. Соловьев выделяет следующие:

1. Христианская.

2. Эллинистическая.

3. Мандейская (данная малоизвестное религиозное учение оказывается близким христианскому в хронологическом плане, сам автор говорит о нем как об учении, которое «находится в какой-то невыясненной связи с проповедью св. Иоанна Крестителя» [2].

В своей работе он также разбирает достаточно распространенное в то время мнение (непосредственно ссылается на И.И. Шмидта) о близости гностицизма и буддизма. По целому ряду причин В.С. Соловьев отрицает не только историческую, но и общемировоззренческую их близость. В.В. Болотов придерживается иной точки зрения. Именно восточная составляющая оказывается, по его мнению, определяющей и для формы построения религиозного учения. Вот как он пишет: «Что касается формы, в которую гностики облекали свои воззрения, то она, конечно, теснее примыкает к восточным теософическим мифам, чем к греческой философии» [1].

Таким образом, В.С. Соловьев считает второстепенными или даже не существующими восточные корни гностицизма, такие, как зороастрийские или буддийские.

Следует заметить, что отнесение В.С.Соловьевым мандейства именно к догностическим учениям указывает на его единство с В.В. Болотовым по поводу несуществования дохристианского гностицизма. Но в «Истории древней Церкви» Болотов очень осторожно говорит еще и о «прецедентах гностицизма в начале христианской эры» [1], которые мы можем назвать дохристианскими.

Сам В.В. Болотов выделяет следующие религиозно-идеологические источники гнозиса: христианство; эллинистические традиции (прежде всего неоплатонизм); восточная теософия; иудейский синкретизм.

Отличительным здесь является пристальное внимание автора к восточной традиции в целом, в противовес локальному выделению мандеизма у Соловьева.

Очень важно, что В.В. Болотов подчеркивает не просто синкретическую природу гнозиса (у некоторых исследователей синкретизм граничит с эклектикой), а подчеркивает ее стремление к цельности и законченности. Вот как он пишет: «Их философское развитие заставляло их искать цельного мирозерцания, они пытаются создать такую систему, которая обнимала бы все стороны человеческого знания в смысле знания философского и отвечала бы на вопросы богословские и космологические» [1]. В.С. Соловьев, напротив, подчеркивает отсутствие у гностиков синтетичности, их учения «по содержанию своему суть плод более аналитической, нежели синтетической работы ума» [2].

Гностические учения в силу своей неоднородности нуждаются в систематизации и классификации. Важнейшим свойством классификаций гнозиса является невозможность выделения какой-либо школы как основополагающей, ортодоксальной. Это обуславливается слабой степенью институализации гностических общин и недолговечностью их существования. Еще одной причиной невозможности выделить ортодоксальный гнозис может служить то, что гностицизм практически никогда не ставил целью обращения как можно большего числа людей, акцент делался, прежде всего, на «избранных» и поэтому не предполагал создания унифицированного вероучения. Оба автора исходят из этих позиций, но решают задачу классификации по-разному.

Владимир Соловьев идет путем создания этнографической классификации. Хотя ее по праву следует считать одновременно и содержательной, онтоэтической. В.С. Соловьев выделяет три группы гностических учений:

1. «Существенная для гностицизма непримиримость между абсолютным и конечным, между Божеством и миром является, сравнительно, в скрытом и смягченном виде. Происхождение мира объясняется неведением или ненамеренным отпадением или отдалением от божественной полноты, но так как результаты этого отпадения увековечиваются в своей конечности, и мир с Богом не воссоединяется, то основной характер гностицизма остается и здесь во всей силе. Творец неба и земли — Демиург, или Архонт, — является и здесь совершенно отдельным от верховного Божества, но не злым, а только ограниченным существом. Этот первый вид представляется гностицизмом *египетским* ...».

2. Гностическое раздвоение выступает с полной резкостью, именно в космогонии: мир признается прямо злонамеренным созданием противобожественных сил. Таков гнозис *сиро-халдейский*.

3. Гнозис малоазийский, представляемый, главным образом,

Кердоном и Маркионом; здесь гностические антитезы выступают не столько в космогонии, сколько в религиозной истории; противоположность — не между злым и добрым творением, а между злым и добрым *законом (антиномизм)*, между ветхозаветным началом формальной правды и евангельской заповедью любви» [2].

Следовательно, философ выделяет два типа гностических учений, центрированных на онтологической проблематике и специфической гностической традиции, которую можно условно назвать этической.

Позже мы покажем, каким образом эта классификация соотносится с типами гностицизма, выделенными В.В. Болотовым.

Его систематизация гносиса намного более подробно и многомерна. Она носит сугубо философский характер и как классификация В.С. Соловьева останавливается на онтологических и этико-антропологических аспектах учения гностиков.

В онтологическом отношении он, считая гностицизм принципиально дуалистическим учением, выделяет [1] дуализм сильного типа и дуализм слабого типа.

Их характеристики даются В.В. Болотовым в сопоставлении на протяжении параграфа «Схема содержания гностических систем и их классификация» [1]. Мы изложим их по отдельности.

Итак, при дуализме сильном.

Демиург творит мир или вопреки Богу, как возмущившийся ангел, или как невольник, захваченный в плен материей при ее наступательном движении на мир духов и поработенный ею.

Противоположность начал выдерживается более строго, и ослабляющее его понятие эманации отпадает, так что верховные начала добро и зло противостоят друг другу прямо и непосредственно.

Христос действует в своей сотериологической функции против демиурга.

Отвергается утверждение о том, что Христос действует в другом человеке, то есть соприкосновение противоположных начал не только не ипостасное, но и не действительное: оно переходит в докетизм, и человеческая природа Христа разрешается в фантом, в чистый призрак.

Прежде всего, к подобным гностическим учениям можно отнести последователей Маркиона, Тациана и Карпократа и его сына Епифания. В географическом отношении этот вид гносиса можно охарактеризовать как сирийский, или иначе как сирохалдейский. Все эти учения, несомненно, испытали на себе влияния зороастризма, и безусловно в меньшей степени связаны с магистральным христианским направлением.

При дуализме слабым:

1. Демиург представляется слабым духовным существом, которое попадает в материю и делается творцом по необходимости.

2. Бог эманационно развивает из себя целый духовный мир

«эонов», чтобы устранить соприкосновение между Богом и материей. Эту совокупность эонов и называют часто «плеромой».

3. Христос действует в своей сотериологической функции не против демиурга, а, скорее, невзирая на него.

4. Отрицается лишь единение ипостасное во Христе: Христос живет и действует в другом, действительном человеке.

К слабым дуалистическим гностическим учениям можно отнести учения Валентина и Василида, которые находятся под влиянием как христианства, так и неоплатонизма. Они, безусловно, представляют собой достаточно сильную, но пусть не всегда удачную христианизацию эллинизма. Географически эти школы возникают в Александрии и других, более западных по отношению к Палестине, городах, поэтому данные школы называют в литературе западными.

Таким образом, классификация гностических учений В.В. Болотова видится нам более четкой и содержательной в противовес не очень корректного с точки зрения логики систематизации В.С. Соловьева.

Обратимся к собственной характеристике сущностных элементов гностицизма рассматриваемыми философами. Заметим, что В.В. Болотов рассматривает еще и основные гностические направления по отдельности, что менее интересно для нашего исследования. У Соловьева рассмотрение гностицизма целостно ввиду жанровых особенностей работы.

Итак, с точки зрения В.С. Соловьева: В основе этого религиозного движения лежит *кажущееся* (курсив Соловьева В.С.) примирение и воссоединение божества и мира, абсолютного и относительного бытия, бесконечного и конечного. Г. есть *кажущееся спасение*. Именно из этого будет исходить и гностическая христология, и гностическая этика. Собственно лишая мировой процесс положительного содержания гностики считают, что, несмотря на внешние изменения и многообразие комбинаций в мире, духовный элемент оказывается уже спасенным, а остальной космос не может быть в принципе спасен. Соответственно гностическая сотериология будучи сама призрачной требует столь же призрачного Спасителя. Отсюда вытекает докетизм - учения о том, что Иисус Христос имел тело; невещественное, а призрачное. Этическое следствие подобных представлений логично ведет как к крайнему аскетизму, так и к либертинизму. Первому – поскольку оно выражает призрение к миру, а второе – поскольку «злые» дела не могут погубить дух, а «добрые» - спасти тело.

Еще одной показательной характеристикой гнозиса, но уже по отношению к ортодоксальному христианству является то, что «гностики разделяют или оставляют разделенным все то, что в христианстве (а отчасти и в неоплатонизме) является единым или соединенным» [2]. В.С. Соловьев подробно развивает эту мысль в отношении теологическом (раздробление

Божества на множество эонов) и в отношении антропологическом (разделение людей на гиликов, психиков и пневматиков).

Обратимся теперь к тому, что В.В. Болотов считает в гностицизме наиболее важным. Отчасти мы уже затрагивали ряд онтологических черт гнозиса, когда проводили обзор его классификации.

В отличие от Соловьева видит гностицизм учением, требующим чрезвычайного нравственного напряжения. «В гностиках мы имеем дело с людьми, которым были дороги нравственно-религиозные интересы», - пишет В.В. Болотов. В этическом отношении гностицизм представляет собой вариант пессимизма и является, по мнению философа, результатом социально-политических процессов, разочаровавших гностиков в сколь-либо доброй природе мира. Онтологически данная этическая установка переформулируется В.В. Болотовым следующим образом: «Все они варьируют одну идею всеобщего восстановления, и ни одна из них не может указать миру определенной цели: его бытие есть или несчастье, или ошибка, или непостижимая случайность».

Даже вопрос о происхождении мира оказывается для автора связанным с этикой: «вопрос о происхождении конечного из бесконечного везде здесь ставится в скорбной формуле...откуда это зло, которого так много встречается в этом мире?» [1].

Именно из пессимистических установок выводятся те содержательные представления гнозиса, которые у В.С. Соловьева выводились из прозрачности сотериологии. Именно «минорный мотив сказывается в гностических сектах везде и всюду, и в догматике, и в этике» [1]. Его конкретная реализация достаточно разнообразна и может осуществляться «и в дуализме, и в пантеизме – с «нирваною» в перспективе, и в суровом аскетизме, и в оргиях разврата «совершенных сынов царства» [1].

Еще одной очень важной спецификой подхода Болотова оказывается выделение как более значимой ритуально-практической стороны гнозиса. И это не удивительно, так как исследователь четко следует мысли о принципиальной нефилософичности гностицизма. Гностики говорили не на языке отвлеченных понятий, а образами, живыми картинками. Относительно важности ритуальной стороны, он пишет: «Не самое мышление, не личное усилие человека делает его гностиком, а вступление в известное гностическое общество» [1].

В ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, оба исследователя опираются на исторический подход, что отражается в единстве взглядов на хронологию и качественный состав гностических учений.

Во-вторых, значение христианства и восточных религий оценивается по-разному: В.В. Болотов считает восточный элемент практически определяющим, а В.С. Соловьев – весьма сомнительным.

В-третьих, классификация гностицизма авторами проводится с опорой, прежде всего, на онтологические критерии, хотя у В.С. Соловьева всплывает еще и этический критерий.

И, наконец, в-четвертых, центральный элемент гностицизма, из которого выводятся остальные его черты, представляет собой пессимистическую установку в этике (В.В. Болотов) или призрачность спасения (В.С. Соловьев).

Выбранные нами исследователи не являются учеными-религиоведами, а тем более специалистами по истории и текстологии гностицизма, но им удалось в полной мере передать и осмыслить те сведения о гностицизме, которые были накоплены к началу XX века. Почти все из сказанного ими в настоящее время не потеряло своей актуальности, а современные научные открытия лишь смешают акценты в рассмотренных нами исследованиях.

Список литературы

1. Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. Борьба Христианства с языческой мыслью в форме гнозиса URL: <http://lib.rus.ec/b/121533/read#t31> (дата обращения: 30.01.2012).

2. Соловьев В.С. Гностицизм //Христианство. М. 1993. Т.1. С. 415-416.

3.Соловьев В.С. Смысл любви URL: http://www.koob.ru/solovyev/smisl_lubvi(дата обращения: 30.01.2012).

A.V. Slobochanin.

Gnosticism research in works of century with V.S. Soloviyv and V.V.Bolotov: the comporative analysis.

In article the comparative analysis of sights at historical gnosticism of Russian religious philosophers - V.S. Soloveva and V.V. Bolotov is carried out. It is shown that at presence set of things in common each concept of each author has original lines. Differences are marked in various treatment of a role of Christianity in formation of gnosticism, the central principle gnosis.

Keywords: gnosticism, Russian religious philosophy, syncretism, christian heresies, pessimism

Получено 10.02.2012 г.